

Антон Вольков

“Ведомый Чайкой”

АНТОН ВОЛКОВ

Ведомый чайкой

«Автор»

2013

Волков А.

Ведомый чайкой / А. Волков — «Автор», 2013

Уже совсем ночью, часа в 3, когда где-то далеко на востоке едва-едва заметно начинало заниматься солнышко, они тушили костёр и шли в свою малюсенькую спальню, где страстно и безудержно любили друг друга. Да, что там говорить! Им нужны были тела, нужны были беспрекословно. И Ник был без ума от запаха её тела, пахнувшего одновременно нежным маслом, которым Любовь намазывалась после душа, и совершенно не терпким, едва уловимым запахом костра. Что-то совершенно невероятное, неопишное происходило с обоими в такие моменты.

© Волков А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая. Ведомый чайкой	5
Глава 1. Освобождение	5
Глава 2. Сила выбора	6
Глава 3. Калейдоскоп бытия. Тьма	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Антон Евгеньевич Волков

Ведомый чайкой

Часть первая. Ведомый чайкой

Глава 1. Освобождение

...Позади себя он услышал оглушительный грохот. Тяжеленная металлическая дверь, неохотно провернувшись на проржавевших петлях, с грохотом закрылась. Всё стихло. Ни единого звука. Полная тишина. Как долго он не мог справиться с этой ненавистной дверью... Как же долго он наблюдал её лишь изнутри. То была ужасная картина; изнутри эта ненавистная всем его сердцем дверь представляла леденящее душу зрелище. Вся изодранная чьими-то ногтями, в кровоподтёках; следы грязных подошв виднелись повсюду и подчас находились даже на уровне головы человека среднего роста. Ужасная дверь, всем своим существом являющая олицетворение ужаса, скорби, безвыходности, тревоги, печали и отчаяния. Но теперь для него всё было кончено. Столько времени он смотрел на неё изнутри, порой даже и не мечтая о том, что когда-то с улыбкой обернётся, кидая прощальный взгляд на эту чёртову дверь, но... Уже снаружи, на свободе!

«Как же так? – подумал он про себя, оглянувшись на эту, ещё недавно казавшуюся совершенно непреступной дверь, которая теперь была позади. – Ведь это же так... Это так, чёрт подери, просто! Бедняги... – мысленно обратился он к тем многим несчастным, кто так и не смог открыть эту дверь и покинуть ад. А ведь это было не сложнее, чем поднять с пола птичье пёрышко!».

И, действительно, когда он в определённый момент каким-то чудом сумел открыть эту ненавистную дверь простым и лёгким толчком руки, ещё 10 минут назад и не надеясь на успех, первой его мыслью стало недоумение. Дверь, казавшаяся столь непреодолимым препятствием на пути к новой жизни, дверь, о которую разбилось столько светлых жизней, открывалась всего-то лёгким движением руки, что, казалось, это под силу даже ребёнку. Парадокс!

Итак, словно новорожденный ребёнок, он пребывал в некой растерянности, а яркий свет в конце коридора, в котором он очутился покинув ад, слепил так, что поначалу совершенно невозможно было открыть глаза, столь привыкшие за долгие годы к крошечной тьме. Не успела пройти первая оторопь от внезапно, чуть ли не чудом обретенной свободы, как едва уловимый крик Чайки где-то далеко впереди, в конце длинного коридора, привлёк его внимание. И, хотя в его голове по-прежнему царствовал некий сумбур, мысли понемногу начали обретать ясность, глаза постепенно привыкали к свету, а всё его тело словно наливалось какой-то невероятной энергией!

И, сам ещё с трудом веря в свершившееся, он сперва осмотрительно, медленно, а затем всё увереннее и увереннее зашагал по коридору, влекомый каким-то невероятно радостным ощущением, что дарил ему тот свет, и время от времени звучащим всё ближе и ближе криком Чайки. Преодолев полпути, он уже едва ли не бежал, а его сердце бешено колотилось в груди. И вот он уже завидел полукруглый свод, которым заканчивался тоннель и начинался...

Глава 2. Сила выбора

Он очутился на уступе скалы, а перед ним раскинулось бескрайнее то ли озеро, то ли море, залитое солнцем. По небу проплывали крохотные перистые облака. Это явно было лето; было тепло, но не жарко, а солнышко нежно отогревало его бледную, заледеневшую кожу серого цвета. Едва осмелившись опустить взгляд вниз, чуть ниже линии горизонта, он чуть было не пожалел об этом, поскольку внезапно почувствовал пьянящее головокружение от высоты, от невероятно чистого воздуха, который впервые за долгие годы он вдыхал, и от несметного количества Чаек, молниями проносившихся то тут то там. Гроном молнии они разносили своё чайчье ликование на мили вокруг.

Едва он свыкся с мыслью, что теперь то, что открывалось его взору – всецело принадлежит ему, а не является лишь утешительным плодом его воображения, он попытался проанализировать произошедшее. Мысли путались. Видимо, это происходило от дурманящего ощущения свободы, запаха свежести и позабытого уже ощущения тепла на его коже. Но постепенно ясность снова вернулась к нему. Он вспомнил своего недавнего палача – ту дверь, что ещё совсем недавно загораживала его от света, не пропуская ни единого лучика и которая свела с ума многих бедолаг, так и сгинувших за ней, не видев солнца с тех пор, как под разными предложениями *добровольно* приняли заточение. Он начал припоминать и свои ощущения, которые испытывал находясь по ту сторону двери. Он отчётливо вспомнил, что пока он находился там, ему казалось, будто бы время точно вязкая патока текло и текло бесконечно, порождая во всех узниках ада самые тошнотворные ощущения: безвыходность, вечную тревогу, безнадёжность их положения и... Явственное ощущение пребывания в самом настоящем аду, который только можно было бы представить себе в самом кошмарном сне. Теперь он, недавний узник и не мечтавший об освобождении, пребывал в том, что смело можно было бы назвать раем. По крайней мере, раем это было для него, поскольку он ощущал себя так, как ещё никогда не ощущал до этого момента. И, если бы кто-нибудь спросил его, может ли он представить себе что-то большее, чего бы он желал, он твёрдо ответил бы, что: «Нет! То, что я испытываю сейчас – высшая степень гармонии и умиротворения, а большего и быть не может!». Он мысленно задал вопрос: «Но как же так? Открывшаяся лёгким толчком руки тяжеленая дверь, долгие годы казавшаяся непреодолимой, отнюдь не длинный коридор и всё? Такой невероятно лёгкий и короткий путь из ада в рай?».

– Выбор, Никки, это твой выбор! – внезапный голос до ужаса напугал и без того озадаченного и пребывающего в смятении Ника. Он резко обернулся, но никого не увидел. И только спустя какое-то мгновение его внимание привлекла Чайка, севшая на край уступа в нескольких метрах от него. И тут каким-то невиданным образом тот понял, что фраза, которую он услышал пару секунд назад, произнесла именно эта Чайка. Опешив от изумления, Ник как следует потрянул головой полагая, что его ум порождает немыслимые галлюцинации. Чайка сидела практически неподвижно и, повернув голову в пол-оборота, смотрела на Ника не мигая.

– Ник, ты не ошибся, это я с тобой разговариваю. – снова прозвучало в голове у Ника, но клюв чайки при том не открывался, да и её положение оставалось неизменным. Ник уставился на Чайку не находя даже слов, чтобы что-то ей ответить. Но тут, совершенно неожиданно для себя самого, он, совершенно не раскрывая рта и не делая никаких усилий своим физическим телом, обратился к загадочной птице:

– Ты?... – Последовала непродолжительная пауза. – Это и впрямь ты со мной разговариваешь? – Ник смотрел в глаза Чайке и понимал, что она – действительно его собеседник, и что для общения им не нужны язык, голосовые связки или воздух в лёгких. Словом, они будто бы обменивались мыслями, облачёнными в слова, но не требующими некоего физического уровня бытия для их донесения; никаких звуковых волн, вибраций, тембра и прочих атрибутов, харак-

терных для физических земных процессов. Да и в самом деле, Ник отчётливо осознавал, что как бы он ни пытался хоть как-то охарактеризовать голос «разговаривающей» с ним Чайки, он ну никак не мог этого сделать. Её «голос» был ни громким, ни тихим; ни весёлым, ни грустным; ни мужским и ни женским – словом восприятие Ника отказывалось каким-либо образом наделить «слышимый» голос хоть какими-то привычными признаками.

– Да, Никки, это действительно я твой собеседник. – Чайка коротко моргнула. – Ты спрашивал, каким образом и как вообще ты попал оттуда сюда, а я тебе ответил – «Выбор»!

Ник по-прежнему заворуженно смотрел на своего загадочного собеседника. Его разум порождал несметное количество мыслей каждую секунду, но, спустя пару мгновений, он поймал себя на интересной мысли, и тот час же эта мысль прозвучала в его голове так, словно он её высказал вслух:

– Ты – Джонатан Ливингстон? – только и вырвалось у Ника и мгновенно было «услышано» Чайкой. Они общались бессловесно, молниеносно понимая те мысли друг друга, которые каждый из них хотел донести до своего собеседника. И хотя ничего в мимике Чайки не изменилось, Ник совершенно отчётливо понял, что та мило улыбнулась. Понял это на каком-то эмоциональном уровне.

– Да, дорогой Никки, это я – тот самый Джонатан, которого ты имеешь в виду, персонаж книги Риччи Баха¹.

Но Ник всё ещё не мог осознать странного факта, того, что он общается с Чайкой, с тем самым Джонатоном, который...

– Нет, это какая-то ерунда, – говорило в Нике его рациональное. Мысли путались, а рациональное всячески пыталось отказаться о столь невероятного для восприятия события, как разговор с пернатым, несмотря на то, что это было не менее очевидно, как сам факт восприятия Ником самого себя. – не сошёл ли я окончательно с ума?

– Что-то я тебя не совсем понимаю, Никки, – проговорил Джонатан, – ты ведь настолько верил и веришь в то, что некогда донёс до тебя я, Дональд Шимода² и прочие-прочие персонажи, являющиеся, по сути, ни чем иным как проявленной Сутью, а теперь... А теперь банально отказываешься поверить в такой, казалось бы, пустяк, как разговор со мной. Эх... – и тут Нику показалось, что «голос» Чайки приобрёл окрас некоторого разочарования, – Как же много времени и попыток всем нам требуется, прежде чем мы в самом деле начинаем пользоваться теми нашими безграничными возможностями, которыми все мы наделены, и перестаём удивляться самым заурядным вещам, таким, как невербальный разговор с чайкой, например. – заключил Джонатан.

Но Ник уже несколько отвлёкся от своих мыслей о нереальности происходящего. Его больше заинтересовало то, почему до сих пор Джонатан говорил с ним голосом, к которому невозможно было бы при всём желании подобрать ни одной характеристики, наделить хоть какими-то атрибутами, а на последней фразе Ник явно уловил какую-то нотку разочарования.

– А это потому, Никки, что ты снова сделал свой выбор. – предвосхитил вопрос Ника Джонатан.

– О каком выборе ты говоришь, Джонатан? – Ник снова застопорился осознав, что на этот раз Чайка ещё и предугадала его вопрос и даже на него и ответила.

– О любом. – снова бесстрастным голосом ответил Джонатан. – Сейчас ты решил, что мои слова о том, что если то множество попыток на практике удостовериться в нереальности «реальности», которые ты проделывал до сих пор, в очередной раз не укрепили в тебе это осознание – это досадно. Ты принял этот выбор, и тот час же придал моему, не имеющему никаких *объективных* атрибутов голосу оттенок досады. Его ты впоследствии и услышал.

¹ Имеется в виду Книга Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (Jonathan Livingston Seagull)

² Персонаж книги «Иллюзии» (Illusions) Ричарда Баха

С минуту Ник сидел молча и что-то думал, уткнувшись взглядом в скальную породу, на которой сидел. Его глаза ворочались в глазницах так, будто он мысленно представлял какие-то образы и пытался за ними уследить. Немного погодя он оторвал взгляд от камня и вновь взглянул на Чайку:

– Кажется, я понял, о чём ты, Джонатан, но... – Ник запнулся, будто бы, несмотря на очередной проблеск понимания, по-прежнему не до конца понял суть. Вернее было бы даже сказать, что он, несмотря на очевидность происходящего и сказанного Джонатоном, вновь в полной мере не удостоверился в незыблемости в очередной раз осознанного.

– Это нормально, Никки! – успокоил того Джонатан. – Кажется, ты и в школе всё схватывал отнюдь не с первого раза, не так ли? – Чайка рассмеялась каким-то невероятно приятным, тёплым и жизнерадостным смехом. Ник улыбнулся. Он и впрямь не отличался особой скоростью восприятия и понимания сваливавшейся на него информации, будь то в школе или университете. Ему всегда приходилось сложнее и дольше других усваивать какие-либо знания, которые через некоторое время казались ему уже настолько простыми и незамысловатыми, что Ник и сам удивлялся, почему же они так тяжело давались ему изначально... – Сколько ещё попыток тебе понадобится для того, чтобы *осознать* – решать только тебе. Это снова будет твой выбор!

– Я пытался, Джонатан, и у меня почти получилось, – ответил Ник, – но ты знаешь... Каждый раз, когда я даже изо всех сил пытаюсь уверовать, что всё происходящее, всё, что я называю реальностью – лишь проявление моей собственной сущности, я обнаруживаю, что всё настолько реалё...

– Реально? – переспросила Чайка. – И что же, например, реально? – с некоторым теперь уже возмущением спросила она.

– Ну вот та дверь, Джонатан, та дверь, что в этом тоннеле, позади меня, – Ник обернулся и замер, словно увидел какое-то средневековое трёхголовое чудовище. Позади него, где несколькими минутами ранее находился полукруглый свод мрачной пещеры, откуда тот совсем недавно вышел на этот дивный уступ, не было ровным счётом ничего, кроме сплошной скальной породы; ни тоннеля, откуда ещё несколько секунд повеявало неприятным холодком, ни ненавистой двери в его конце.

– Какая дверь, Никки? – будто бы с неподдельным интересом поинтересовалась Чайка. – Я не вижу никакой двери, впрочем как и никакого тоннеля, так о чём же ты?..

– Но дверь... Та проклятая железная ржавая дверь... Она же...

– Ты выдумал эту дверь, Ник. Вот и всё. Её нет на самом деле. И ты не мог её открыть долгие годы, как не могли этого сделать и многие другие лишь потому, что сам того не желал. Ты не желал верить в то, что она открывается не сложнее, чем пошевелить мизинцем. Но в какой-то момент, когда тебе надоело, когда ты захотел поверить в то, что для её открытия достаточно лишь легонько её толкнуть, ты сделал это и вот ты здесь... Ты сделал выбор – *освободиться*, и вот ты свободен. Но, уверяю тебя, как только ты вновь захочешь попасть за эту дверь...

– Спасибо, Джонатан, но нет! Думаю, что если вдруг у меня когда-нибудь и возникнет желание вновь посидеть в той темнице, то это случится явно не скоро. А вообще ты знаешь, я думаю, и мне что-то подсказывает, что едва ли я снова туда захочу. Кажется, этот урок я усвоил!

Тогда Ник понял, вернее, в очередной раз, только в ещё большей степени убедился, что ему подвластно всё, поскольку у него есть Его величество *выбор*. Иной возразит, что невозможно выбрать обстоятельства, которые, как порой кажется, происходят независимо от нас, без нашего на то желания, и что мы – лишь рабы этих обстоятельств. Ох, до чего же и Нику было «приятно» рассуждать точно таким же образом, пока... Пока ему не надоело видеть реальность в таком ракурсе. Всё просто! Если тебе ненавистно что-то, то лишь по воле твоего выбора ты

можешь трансформировать ненависть в любовь, тревогу в спокойствие и умиротворение, а все свои страхи отпустить улетать в небо как выпущенные из детских рук воздушные шарик.

– Так что же, Джонатан, выходит, что как нет этого ужасного тоннеля, двери и темницы, так нет и тебя, нет меня, нет этого прекрасного озера и солнца? Ничего объективно нет, а есть *выбор*, благодаря которому мы можем трансформировать что угодно во что угодно?

– Именно так, Никки.

– Так что же, ничего не имеет смысла, Джонатан? Ничего не важно? Ничего не истинно? – удивлённо спросил Чайку Ник.

– Важно лишь одно, мой друг. Важно лишь то, что ты ощущаешь и то, как ты воспринимаешь действительность. Хотя... Если честно, то не важно и это, куда ты не сделаешь свой выбор воспринимать это важным для себя. Но, так уж заведено, что на этой Земле человеку более всего и важно, как он себя ощущает. Вот и для тебя это важно, мой друг. – заключил Джонатан. – Ты можешь воспринимать что угодно и как угодно – это полностью твоё право и твой выбор. Но я чувствую, что ты хочешь видеть и чувствовать то, что видишь и чувствуешь сейчас, а не то, что чувствовал и видел некоторое время назад. – птица резким движением головы мотнула в ту сторону, откуда, – как считал Ник, тот вышел из тоннеля немногим ранее, но где не было больше и следа какого-либо туннеля.

На этот раз Ник уловил слова Чайки с первого раза. И впрямь, лично для него и было самым важным в тот момент то, как он чувствовал себя. И, если бы кто-то задал ему вопрос, каково ему было там, в аду, – хорошо или плохо, он бы без размышлений ответил бы, что плохо. И ответил бы точно так же, что тут, в раю, ему хорошо. И вся важность этих «плохо» и «хорошо» заключалась бы лишь в его ощущениях, лишь в том, где бы он хотел пребывать в определённый момент времени и в определённом кусочке вселенной.

– Всё так просто, Джонатан. Неужели это и впрямь так, и между «плохо» и «хорошо» – не более, чем миг, в который мы волей собственного выбора перещёлкиваем какой-то переключатель в нашем сознании?

– Именно так! – отвечал Джонатан.

– Но порой так трудно этот переключатель нащупать, согласишься... – рациональное Ника всё никак не успокаивалось.

– Главное помнить, что он есть, и что им всегда можно воспользоваться, Никки. – сказала Чайка. – Закрой глаза...

Глава 3. Калейдоскоп бытия. Тьма

Антон открыл глаза. Было утро. Едва он осознал, что находится в кровати, в своей квартире в Москве и что он только что проснулся, едва отступил сон и сознание «прояснилось», как тотчас же его восприятие начало наполняться разными мыслями, от обилия которых он уже успел пожалеть, что проснулся несколько секунд назад. Его взгляд упал на окно, которое находилось справа от кровати. За окном виднелись лысые тополя на фоне серого неба, по карнизу барабанил дождь. Очередное утро начиналось с обороны. И, как всегда, враг превосходил парня численностью и качеством вооружения. Один мыслеобраз проскальзывал за другим, они сменялись с невероятной скоростью, несметным числом затевая жуткий хоровод, от которого даже на физическом уровне ощущался полнейший дискомфорт. Желудок ныл, сердце бешено колотилось в груди, всё тело ощущало ломоту и слабость. Единственное, что хотелось Антону в такие утра, которые вот уже долгое время тянулись нескончаемой чередой, так это снова провалиться в глубокий сон, забыться, лишь бы не начинать новый день, который, как ему казалось, не принесёт ничего хорошего, но будет уже привычной пыткой. Но надо было вставать, ведь необходимо было сказать «Привет!» многокилометровым московским пробкам и устремиться на работу, в офис; в святыню современного жителя мегаполиса.

Пока Антон ехал на работу, – и день ото дня, месяц от месяца картина эта не менялась, он прокручивал по две тысячи мыслей в час, а потом снова и снова, зачастую прогоняя одни и те же по второму, а то и третьему кругу. К своим 27-ми годам Антон, словно губка, впитывал, впитывал и впитывал терабайты установок, приходящие к нему, как и к остальным, из социума, книг, фильмов, от друзей и недругов, и бог весть ещё откуда. Выстраивая многоуровневые комбинации из бесчисленного множества идей, цитат, подходов к жизни, парень отсчитывал дни, прежде чем, как он полагал, какая-нибудь добрая душа не вызовет-таки 03, и та любезно не доставит его в лечебные покои по адресу «Канатчикова дача». И не то, чтобы его личное ощущение действительности было бы сколь-нибудь объективно важно, нет... Конечно же нет. Важно было лишь то, как он себя ощущал, и важно это было исключительно для него самого. И единственным правдивым ответом на вопрос «Как ты?» (если бы кто-нибудь задал бы ему такой) было бы: «Ужасно...». А ведь ему так хотелось, что бы ответом было: «Замечательно!».

– Никки? – Антон услышал голос, который он определённо уже где-то слышал, но ни за что не смог бы его распознать, как будто бы кто-то давно забытый, но некогда до безумия близкий и важный вновь заговорил с ним. По радио играла Metallica “Whenever i may roam”, окна машины были плотно закрыты. Антон даже не стал оборачиваться, поскольку это было бы совершенно бессмысленно. Естественно, он моментально переключился, вернулся вновь к хороводу своих мыслей и тщательному анализу своего «плохо», будто бы опасаясь, что не сделай он этого, ему немедленно полегчает. Но этого допускать было никак нельзя! Антон очень *хотел* ощущать себя плохо, и ни одна живая душа не могла заставить его свернуть с выбранного по его же собственной воли «пути великомученика».

Спустя пару секунд неведомый голос повторил: «Никки, это же я, ты чего?». Глаза Антона на какую-то долю секунды закрылись, моргая. В этот миг все звуки стихли, всё погрузилось во мрак. Единственное, что осталось из того, что предшествовало закрытию глаз – это гамма плохих эмоций и ощущений, которые преследовали Антона уже долгие годы. Когда он открыл глаза, и они понемногу привыкли к тьме, он различил впереди себя влажную и скользкую скальную породу. Вокруг было сыро и прохладно, неприятно прохладно, и так странно пахло: одновременно терпко-приторно как разлагающийся труп, сыростью и черти знает ещё чем. Откуда-то издалека стали сначала приглушённо, потом всё более отчётливо доноситься тяжёлые, томные стоны, похожие на человеческие. Сознание Антона воспринимало всё, вплоть до мельчайших деталей, а его рациональное немедленно начало со скоростью света генериро-

вать вопросы: «Что произошло?», «Где я?», «Откуда этот запах?» и «Что за голоса я слышу?». На первый вопроса ответа не было; будто бы отрубило память, и как ни пытался Антон воспроизвести предыдущий фрагмент цепочки событий, каким-то образом доставивших его сюда, всё виделось словно в тумане. Густая и вязкая пелена отделяла Антона от чего-то, что предшествовало той реальности, – новой и пугающей, которую тот явственно ощущал теперь. У него совершенно не возникло никакого интереса, как он очутился тут, а всё, что занимало его рассудок – это тошнотворные ощущения, необъяснимая тревога, страх, отчаяние. Он сперва шагом, а потом уже бегом принялся удаляться по непонятным, давящим, словно физически, катакомбам прочь от стонов и воев, которые слышались то приглушённо, то набирали такую мощь, что от ужаса и паники едва различимая из-за тьмы картинка реальности начинала сворачиваться в воронку. Голова начинала кружиться, всё тело охватывал озноб, и Антону казалось, будто бы каждая клеточка его тела болит. Казалось, не было ни одного органа, который бы не болел или не ныл. Его тошнило, рвало. Падая на колени и раздирая их в кровь, он поднимался и бежал куда глаза глядели, главное – прочь от воплей. Но они не отступали. Это был полный абсурд, сумятица. Мутнел рассудок. Единственное, что ощущал Антон – это такое «плохо», которое только можно было бы себе представить. Голову разрывало от невыносимой боли, и Антон бился ею о камень, желая лишь одного: прекратить то «плохо», которое испытывал. Но какую бы боль он себе не доставлял, какой бы силы не были удары, он не умирал. Он продолжал существовать. И от невозможности прекратить это невыносимое существование, он входил во всё больший ступор. Крики, отчаяние – они преследовали его бесконечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.